

Иоанн Златоуст

Уроки о воспитании

1. Родить детей есть дело природы, но образовать и воспитать их в добродетели — дело ума и воли.

2. Под долгом воспитать своих детей я разумею не одно то, чтобы не допустить их умереть с голоду, чем люди, кажется, и ограничивают свои обязанности по отношению к детям. Для этого не нужно ни книг, ни постановлений: об этом весьма громко говорит природа. Я говорю о попечении образовать сердца детей в добродетели и благочестии — долг священный, которого нельзя преступить, не сделавшись виновным в некоторого рода детоубийстве.

3. Эта обязанность обща как для отцов, так и для матерей. Есть отцы, которые не щадят ничего, чтобы доставить детям своим учителей в удовольствиях и потворствовать прихотям их, как богатых наследников, а чтобы дети были христианами, чтобы упражнялись в благочестии, — до этого им мало нужды. Преступное ослепление! Этой-то грубой невнимательности должно приписывать все беспорядки, от которых стонет общество. Положим, что вы приобрели для них большое имущество, но если они не будут уметь благоразумно вести себя, оно сохранится у них недолго. Имущество будет расточено; оно погибнет с обладателями своими, оно будет самым печальным для них наследием.

4. Ваши дети всегда будут довольно богаты, если получат от вас хорошее воспитание, способное упорядочить их нравы и хорошо устроить их поведение. Итак, старайтесь не о том, чтобы сделать их богатыми, но о том, чтобы сделать их благочестивыми, владыками своих страстей, богатыми в добродетелях. Приучите их не вымышлять мнимых нужд и блага мира сего ценить так, чего они стоят. Внимательно наблюдайте за их поступками, за их сообществами, за их связями — и не ожидайте от Бога никакой милости, если не исполняете сего долга.

5. Если Апостол заповедует нам более пещись о других, чем о себе, и если мы бываем виновны, когда не радим о их пользе, то не гораздо ли более бываем виновны в том случае, когда это относится к тем, кои к нам так близки? Не Я ли, скажет Господь, дал место сим детям в семействе вашем? Не Я ли вверил их вашему попечению, поставив вас их владыками, попечителями, судьями? Я дал вам полную власть над ними; Я возложил на вас все заботы о их воспитании. Вы скажете мне, что они не хотели поклониться под иго, что они его свергли. Но это-то и надлежало предотвратить в самом начале; вы должны были овладеть первыми их впечатлениями, наложить узду, когда они еще не имели силы разорвать ее; подклонить эту юную душу под иго долга, приучить ее к нему, образовав ее по оному, обвязать рану, когда она только что зарождалась; исторгнуть терние, когда оно начинало только появляться около этого нежного растения, а не ожидать, пока оно пустит глубокие корни, пока страсти, усиляясь постепенным развитием, сделаются необузданными и неукротимыми.

6. Премудрый говорит: суть ли ти чада, накажи я и преклони от юности выю их (Сир.7,25). Но Господь не только внушает нам это повеление устами Своего пророка, но еще берет нашу сторону, обеспечивая исполнение сей заповеди страшным наказанием, коим угрожает детям, непокорным власти своих родителей: Человек, иже аще зло речет отцу своему или матери своей, смертью да умрет (Лев.20,9). Он наказывает смертью тех, которые становятся виновными против вас, а вы хладнокровно смотрите на те вины, которые они совершают против самой верховной власти. Они восстают против Самого Бога, преступая Его заповеди, а вы на это взираете без всякого негодования, без малейшего детям укора. Что теряет Он от их оскорблений? Ничего. Но вы, чего вы не должны страшиться за самих себя? Потому что кто оставляет Господа, тот не станет уже уважать ни своего отца, ни себя самого.

7. Дети, покорные и верные Богу, в повиновении закону Его нашли бы обильный источник счастья, даже временного. Бедный с христианскими нравами заставляет уважать и любить себя, между тем как при злом и развращенном сердце все ваше богатство не спасет от негодования и отвращения всех вас окружающих.

8. Юноша, которому вы дадите доброе воспитание, мало того что приобретает себе всеобщее уважение, сколько он делается милее для вас самих! Ваша привязанность к нему не будет одним простым влечением природы; она будет плодом его добродетели. За это, во время вашей старости, вы в свою очередь получите от него все услуги сыновней любви; он будет вашей опорой. Потому что как те, кои не почитают Господа, презирают и своих родителей, так, напротив, те, кои чтут Бога, Отца всех человеков, всегда будут всячески уважать и тех, от кого они получили жизнь.

9. Положим, что вы исполните заповеди закона во всех других отношениях, но, будучи неверны этой одной заповеди, вы будете наказаны строго. Выслушайте на это доказательство, взятое из истории одного древнего народа. Вы тотчас увидите, какому страшному наказанию подвергают себя отцы, небрегающие о воспитании детей своих. У иудеев был один священник, уважаемый за кротость своего нрава; он назывался Илий. Сей священник имел двух сынов, которые предавались всем

порокам. Отец не заботился об этом и едва обращал на то свое внимание; или, ежели разврат их, доходя до высшей степени, заставлял его делать им выговоры, он делал это без должной ревности и власти. Ему следовало бы строго наказать их, прогнать их с своих глаз, употребить меры строгие, чтобы прекратить их беспорядки. Ничего не бывало; он ограничивался тем, что говорил им в виде увещания: ни, чада... не творите тако; яко не благ слух, егоже аз слышу о вас (1Цар.2,24). Это ли надлежало говорить? Они оскорбляли Бога, и он называл их своими чадами? Они забывали Того, Которому обязаны своим существованием, а он признавал еще их за свое семейство? Напрасно и бесполезно он делал им увещания. Нет, здесь требовались не увещания, но уроки сильные, истязания строгие, врачевство столь же крепкое, как и зло. Он должен был действовать страхом и исторгнуть это юное сердце из его оцепенения. Увещания! Дети Илия не имели в них недостатка. Бесполезные слова! Преступная кротость, которой они сделали себя жертвами! Начинается война, несчастные делаются добычей неприятеля; отец, узнав о их злополучии, падает на землю и, разбив голову, умирает.

10. Я сейчас говорил вам, что отцы, которые не заботятся дать христианское воспитание детям своим, суть чадоубийцы, убийцы собственных детей. Не правда ли? Кого должен винить Илий в смерти своих детей? Самого себя. Правда, меч врага умертвил их, но беспечность лжеотца направила его удар; оставленные небесной помощью, они явились нагими против стрел филистимлянских. Отец погубил и себя, и их. Между тем, мы ежедневно видим пред собою то же самое. Сколько есть родителей, которые не хотят взять на себя труда исправить своих детей, непокорных и развращенных! Они как будто боятся огорчить детей, если будут строгим словом обуздывать порочные наклонности, которым они предаются. Что же выходит? Беспорядки увеличиваются; безнаказанность доводит до государственных преступлений; суды пробуждаются; несчастные умирают на месте казни. Не исправляя их — делаетесь их сообщниками. Вы отказались от личных прав своих над ними и подвергли их строгости общественного наказания; и вот человеческое правосудие употребило над ними свои строгие права. Вы страшитесь унизить их легким наказанием в вашем присутствии, но какое ужасное бесчестие падет на вас, когда сына вашего более не станет и отец, всюду преследуемый взорами обвинителей, не осмелится уже нигде показаться.

11. Итак, умоляю вас, позаботьтесь о добром воспитании детей ваших. Прежде всего помышляйте о спасении душ их, Бог поставил вас главами и учителями всего вашего семейства; ваш долг — наблюдать, и наблюдать непрестанно, за поведением своей жены и своих детей. Послушайте святого Павла. Если жены ваши, говорит он, хотят чему научиться, пусть спрашивают о том у мужей своих. Воспитывайте детей своих в учении и наставлении Господнем (см.: 1Кор.14,35; Еф.6,4). Подражайте Иову, который постоянно смотрел за детьми своими и приносил умиловительные жертвы за тайные проступки, какие они могли сделать (см.: Иов.1,5). Подражайте Аврааму, который менее заботился о приобретении богатства, нежели о сохранении закона Божия всеми домашними своими, и о котором Господь свидетельствовал: вем, яко заповесть сыном своим... И сохраняют пути Господни творити правду и суд (Быт.18,19). Давид, приближаясь к смерти, хочет оставить Соломону самое прочное наследство; он призывает его к себе, чтобы повторить ему следующие мудрые наставления: аще сохраняют сынове твои пути своя, еже ходити предо Мною во истине всем сердцем своим и всею душею своею, не искоренится тебе муж с престола Израилева (3Цар.2,4). Вот образцы, которым мы должны подражать и во время жизни, и при последнем издыхании!

12. Если бы добрые отцы старались дать своим детям доброе воспитание, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни судилища, ни наказания. Палачи есть потому, что нет нравственности.

13. Мы не щадим трудов, ни издержек на то, чтобы обучить детей светским наукам, чтобы выучить их хорошо служить властям земным. Безразлично для нас одно знание святой веры, одно служение Царю Небесному. Мы позволяем им посещать зрелища, а чтобы не убегали церкви, чтобы не стояли в ней неблагоговеино — о том мало заботимся. Мы заставляем их давать отчет в том, что они выучили в своих светских училищах; почему же не требовать от них отчета в том, что они слышали в дому Господнем?

14. Сделав увещание, как нужно было, детям, Апостол обращается и к отцам, говоря: и отцы, не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господни (Еф.6,4). Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? С детства воспитывай его в наказании и учении Господнем. Не думай, чтобы слушание Божественных Писаний было для него делом излишним. Там он услышит прежде всего: Чти отца твоего и мать твою (Мк.7,10) — слова, направленные к твоей пользе. Не говори: "Это слушание Писаний — дело монахов; ужели мне его сделать монахом?" Нет надобности быть ему монахом. Сделай его христианином. Ибо и мирянам весьма нужно внимать учению, заключающемуся в Писании, а особенно детям, так как в этом возрасте еще многого не знают. Но, не зная Божественных истин, они знают нечто из сочинений языческих, изучая в них жизнь дивных, по их понятиям, героев, которые служили страстям и боялись смерти. Каков пример — Ахиллес, безутешный и умирающий за наложницу, или другой, предающийся пьянству, и прочее и прочее! Итак, сын твой нуждается в этом спасительном руководстве — в наказании и учении Господни.

15. Не безрассудно ли учить детей искусствам, посылать их в училище, ничего не жалеть для такого их образования, а о воспитании их в наказании и учении Господнем не заботиться? За то-то сами мы и пожинаем плоды такого воспитания детей своих, видя их дерзкими, невоздержанными,

непослушными, развратными! Не будем же поступать таким образом и послушаем увещания блаженного Павла; станем воспитывать детей своих в наказании и учении Господнем, подадим им пример благочестия, заставим их с раннего возраста упражняться в чтении Священного Писания. Ах! Я постоянно говорю это; только мне думается, не напрасно ли я теряю слова сии? Но при всем том я не перестану говорить об этом; это — мой долг.

16. Отчего, скажите вы мне, не подражаете древним? Особенно вы, женщины, должны бы соревновать дивным древним женам. Родилось у тебя дитя — подражай Анне, матери Самуила. Послушай, как поступила она: она не замедлила представить свое дитя в храм Божий. Кто из вас не пожелал бы иметь сына своего однажды навсегда Самуилом, нежели тысячу раз царем всей вселенной?! Скажете: как это можно? Почему же невозможно? Ты только пожелай этого и поручи его Тому, Кто может сделать его таковым. Кто же, спросите, может это сделать? Бог. Потому она (Анна) Ему и поручила своего сына. Сам Илий не очень был способен к тому, чтобы развить и образовать его; да и как он мог это сделать, когда не в силах был управиться с собственными детьми? Но вера женщины и ее усердие всего достигли. Родив первенца, одного, и еще не зная, будут ли у ней другие дети, она не говорила: "Подожду, вот вырастет ребенок; путь насладится жизнью; позволю ему провести у себя отроческие лета". Нисколько не думая об этом, она помышляет об одном, как бы поскорее посвятить его Богу. Устыдимся мы, мужчины, такого любомудрия женщины; она представила сына своего в храм Божий, и там его оставила. Это прославило и супружеский союз ее, потому что, принеся первый плод сего союза в дар Богу, она этим показала, что в этом союзе она искала не чувственных наслаждений, а богоугождения; поэтому-то и чрево ее сделалось многоплодным, и она, прежде неплодная, имела потом других детей; за то же, без сомнения, она видела, какую славою и каким почетом от людей пользовался сын ее.

17. Все у нас должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях и с тем, чтобы воспитывать их в наказании и учении Господнем. Кто прежде всего научится быть любомудрым, тот чрез это приобретает богатство, превосходящее всякое богатство и величайшую славу. Не так полезно образовать сына, преподавая ему науки и внешние знания, посредством которых он станет приобретать деньги. Если хочешь сделать его богатым, поступай таким образом. Богат не тот, кто заботится о большом стяжании имения и владеет многим, а тот, кто ни в чем не имеет нужды. Это внушай своему сыну, этому учи его; в этом величайшее богатство. Не заботься о том, чтобы сделать его известным по внешней учености и доставить ему славу, но старайся о том, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее. Это возможно сделать и богатому, и бедному. Этому научаются не от светских учителей и не при пособии наук, а из Божественных Писаний. Не заботься, чтобы сын твой здесь пожил долго, но чтобы там удостоился жизни беспредельной и нескончаемой; давай ему великое, а не малое. Внимай словам Апостола Павла: воспитывайте их в наказании и учении Господни (Еф.6,4). Не ритором старайся сделать его, а научи его любомудрию. Если он не будет ритором, от этого не произойдет еще никакого вреда, а при недостатке любомудрия самое обильное риторство не принесет никакой пользы. Благоповедение нужно, а не остроумие; нравственность, а не сила речи; дела, а не слова: это доставляет Царствие, это дарует и действительные блага. Не язык изощрай, но очищай душу. Говорю это не с тем, чтобы запретить светское образование, но для того, чтобы не привязывались к нему исключительно.

18. Не думай, будто одним монахам нужны наставления в Писании; весьма многие из этих наставлений потребны и для тех детей, которые должны вступить в мирскую жизнь. Как при снаряжении корабля нужен бывает кормчий и полное число пловцов не для того, кто всегда стоит на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходством, точно то же должно сказать и относительно монаха и мирского человека. Первый, как бы находясь на необуреваемой пристани, проходит жизнь неозабоченную и устраненную от всякого волнения, а последний постоянно обуревается и плывет среди моря, сражаясь с множеством треволнений. Хотя бы он сам (мирской человек) и не имел нужды (в наставлении), но ему оно может быть нужно, чтобы, если случится, он был в состоянии заградить уста других.

19. Кто чем большим пользуется почетом в настоящей жизни, тем более нужно для него такое образование. Служит ли кто в царском дворце, там много эллинов философов, людей надменных временной славой. Там все напыщенны и надменны, а кто нет, те стараются сделаться такими. Каково же, подумай, если сын твой, вступивши туда, входит, как самый лучший врач, с орудием, которое в состоянии укротить надменность каждого, подходит к каждому и разговаривает, врачует больное тело, прикладывает пластырь из Писаний, расточает любомудренные доказательства.

20. Инок с кем будет говорить? Разве со стеной своей кельи или с кровлей? С пустыней или дубрами? С горами или деревьями?! Итак, для него не столько нужно подобное учение; несмотря на то, он старается усовершенствовать себя в нем, не с тем, чтобы других наставлять, а самого себя. Что же касается людей, живущих в сей (мирской) жизни, то им весьма нужно таковое учение, потому что мирскому человеку более представляется соблазнов ко греху, нежели монаху. И если тебе угодно, знай, что он с таким образованием вместе с тем будет и самым приятным человеком; все станут уважать его, когда увидят, что он не вспыльчив и не домогается власти. Зная это, воспитывайте детей своих в наказании и учении Господни. А если кто-нибудь беден? Пусть останется бедным. Что он не

будет находиться при дворе, этим он нисколько не будет хуже того, кто служит при дворе; напротив, может сделаться предметом удивления. Ибо, если эллины — люди, стоящие не более трех пенязей, циники, принявшие такую же, стоящую не более трех пенязей, философию (подлинно, такова греческая философия), или, вернее, не самую философию, а только ее имя, облекшись в мантию и опустивши волосы, — посрамляют многих, то не к большему ли способен истинный любомудр? Если один ложный вид только тень философии так возвышает, что сказать о том, если мы полюбим истинно светлое любомудрие? Не все ли станут уважать его? Не поручат ли таким любомудрцам без всякого опасения и дома, и жен, и детей.

21. Скажи мне, какие из растений самые лучшие? Не те ли, которые сами по себе содержат силу и ни от дождя, ни от града, ни от стремления ветров, ни от других каких-нибудь подобных причин не терпят вреда, но, стоя открыто и не имея нужды ни в кровле, ни в ограждении, как бы всем пренебрегают? Таков истинный любомудр, таково его богатство... Он ничего не имеет, и имеет все; и все имеет, и ничего нет у него. Ибо стена не внутри, а извне, и ограда не от природы, а отвне воздвигается. Еще скажи мне также, какое тело бывает особенно крепко? То ли, которое здорово, которое удобно переносит голод, не требует пресыщения, не терпит от стужи, равно как и от жара, или то, которое неспособно переносить всего этого и, кроме того, для своего здоровья нуждается в поварях, ткачах, охотниках и врачах? Подлинно, только истинный любомудр, который не нуждается ни в чем подобном, есть истинный богач. Поэтому-то блаженный Павел и говорил: воспитывайте их (детей) в наказании и учении Господни (Еф.6,4). Итак, не во внешних благах ищите ограждения для детей своих, но воспитывайте их по наставлению Апостола; в этом заключается богатство, в этом состоит слава.

22. Богатство вредит слишком много, когда делает нас негодными к перенесению превратностей жизни. Итак, воспитываем детей так, чтобы они могли переносить все и знали, как должно поступать среди несчастий; воспитаем их в наказании и учении Господни, и нам воздастся великая награда. В самом деле, если люди, занимающиеся изображением царей, пишущие их портреты, пользуются большим почетом, то мы, которые украшаем образ Царя Небесного (ибо человек есть образ Божий), не будем ли наслаждаться гораздо большими благами за то, что восстанавливаем Божие подобие? Именно с этим может сравниться добродетель души, когда научим детей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобными, готовыми на благодеяния, человеколюбивыми (что все свойственно Богу) и когда наставим их не дорожить земными благами. Итак, образовать и упорядочить себя и их — вот наша обязанность! Иначе как мы дерзнем предстать Престолу Господню? Ежели тот, у кого дети необузданны, недостойны епископства, то тем более он недостойн Царствия Небесного. Ужели, если наши дети будут беспорядочны, то мы будем подлежать за них ответу? Да, — если это случится потому, что мы не употребили с своей стороны строгих мер, какие следовало употребить.

23. Нерадение о детях есть величайший из всех грехов и в нем крайняя степень нечестия. И что я так заключаю не без основания, докажу это самым опытом, дабы знали вы, что хотя бы у нас все касающееся нас было устроено прекрасно, однако ж мы подвергнемся крайнему наказанию, если нерадим о спасении детей. Вы знаете повесть о первосвященнике Илие, содержащуюся в Божественном Писании. Если священника, престарелого, знаменитого, двадцать лет беспорочно начальствовавшего над еврейским народом, жившего во времена, не требовавшие великой строгости (в жизни), ничто не могло оправдать, — напротив, он погиб ужасно и бедственно за то, что не пекся о детях с полным старанием, и виновность этой малопечетливости, как сильная и великая вина, превысила все эти преимущества и покрыла все добрые дела Илия, — то какое осуждение постигнет нас, которые живем во времена, требующие гораздо большего любомудрия, но не имеем и его добродетели, и не только сами не наставляем детей, но и против желающих делать это строим козни и вооружаемся, и поступаем с чадами своими жесточе всякого варварства? Ибо жестокость варваров доводит только до рабства, до опустошения и пленения отечества и вообще до бедствий телесных, а вы поработаете самую душу и, связавши ее, как какого-нибудь пленника, предаете таким образом злым и свирепым демонам и их страстям. Точно это, а не другое что делаете вы, когда и сами не внушаете (детям) ничего духовного и другим делать это не позволяете.

24. И никто не говори мне, что многие, и больше Илия нерадевшие о своих детях, не потерпели ничего подобного Илию; нет, многократно потерпели, и многие, и гораздо больше еще, и за этот самый грех. Ибо откуда преждевременные смерти? Откуда тяжкие и продолжительные болезни и у нас, и у наших детей? Откуда потери, откуда несчастия, откуда огорчения, откуда бесчисленное множество зол? Не от того ли, что мы не стараемся исправлять порочных детей своих? И для удостоверения в том, что это не догадка, достаточно бы и бедствий этого старца (Илия), но я скажу вам еще слово одного из наших мудрецов. Он, рассуждая о детях, вот как говорит: не веселися о сынех нечестивых... аще несть страха Господня с ними, не веруй животу их...(Сир.16,1-2). Ибо зарыдаешь плачем преждевременным и, не ожидавши, узнаешь о их гибели. Итак, многие, как я сказал, потерпели много подобного; если некоторые избегли (наказания), то не избегнут навсегда; если и избегли здесь, то на погибель своей головы, потому что понесут жесточайшее наказание по отшествии отсюда.

25. Не будем поступать безрассудно из-за того, что Бог теперь не посылает пророка и не предвозвещает наказания, как было с Илием: теперь не время пророков, а впрочем, Он посылает их и

теперь. Откуда же известно нам? Имут, сказано, Моисея и пророки (Лк.16,29). Сказанное тем (при которых жили Моисей и пророки) сказано также и нам, и Бог говорит не одному Илию, но чрез него и его страдания, всем, подобно ему согрешающим. Бог нелицеприятен, и если Он так истребил со всем домом менее виновного, то не оставит без наказания сделавших более тяжкие преступления.

26. Сам Бог имеет великое попечение о воспитании детей. Для того Он и вложил в природу такое влечение (родителей к детям), чтобы поставить родителей как бы в неизбежную необходимость пеших о детях. А впоследствии, беседуя к нам, поставил и законы касательно попечения о них, и, учредив праздники, повелел объяснять установления их. Так, сказав о Пасхе, Он присовокупил наставление: и возвестиши сыну твоему в день он, глаголя: сего ради сотворил Господь Бог мне, егда исхождах из Египта. То же самое делает Он и в Законе. Ибо, сказав о перворожденных, опять прибавляет: аще... вопросят ты сын твой по сих, глаголя: что сие; и речеши ему: яко рукою крепкою изведе нас Господь из земли Египетския, из дому работы, егда бо ожесточися Фараон отпустить нас, изби Господь всякаго... от первенца человека до первенца скотия; сего ради аз в жертву приношу (Господу) всякое разверзающее ложесна (Исх.13,8,14-15). Всем этим Он повелевает вести детей к богопознанию. Да и самим детям Он заповедует многое в отношении к родителям, награждая послушных (детей), а непризнательных наказывая и таким образом делая их еще более драгоценными для родителей. В самом деле, когда кто сделает нас господами над кем-либо, то этою честью он налагает на нас самое сильное обязательство пеших о нем, так что это одно, без другого, в состоянии убедить нас, что вся судьба того человека в наших руках, и мы не скоро решимся сделать вред тому, кто вверен нам таким образом. Когда же он после этого еще и гневается и негодует более, чем сами оскорбляемые, и является строгим карателем, то этим еще более побуждает нас (к исполнению долга). Так сделал и Бог. К этим (двум) Он присовокупил еще третье, естественное обязательство, а если хочешь, так — это первое. Именно, чтобы родители, получив повеление воспитывать детей, не пренебрегали Его заповедями, Бог связал их естественной необходимостью. А чтобы эта связь, быв оскорбляема со стороны детей, не расторглась совсем, Он оградил ее наказаниями и от Себя, и со стороны самих родителей, а таким образом и детей подчинил родителям, и в родителях возбудил любовь к детям. Впрочем, не этим только, но и другим еще, четвертым способом Бог крепко и тесно связал нас с ними. Он не только детей злых — в отношении к родителям — наказывает, а добрых — награждает, но то же самое делает и с родителями, жестоко наказывая нерадящих о детях, а попечительных удостаивая почестей и похвал. Так и этого старца (Илия), во всех других отношениях достойного хвалы, Он наказал за одну непопечительность о детях, а патриарха Авраама наградил за его попечительность не менее, как за другие добродетели. Ибо, говоря о тех многих и великих дарах, которые обещал дать ему, Бог представляет причиной такого обещания эту добродетель: вем бо, говорит, яко заповесь (Авраам) сыном своим, и дому своему по себе, и сохраняют пути Господни творити правду и суд (Быт.18,19).

27. Это мною сказано теперь для того, чтобы вы узнали, что Бог не будет снисходителен к нерадящим о тех, о которых Сам Он столько печется. Ибо невозможно, чтобы один и тот же (Бог) и столько делал Сам для спасения этих (детей), и оставлял без внимания то, когда об них же небрегут родители. Так Он не оставит этого без внимания, напротив, еще сильнее вознегодует и прогневается, как и оказалось на самом деле. Поэтому и блаженный Павел настоятельно убеждает, говоря: отцы, воспитывайте чада в наказании и учении Господни. Если уже мы обязаны неусыпно печься о душах их, яко слово воздати хотяще (Евр.13,17); тем более (обязан делать это) отец, который родил сына, воспитал и постоянно живет с ним. Ибо как не может он найти себе извинения и оправдания в своих собственных грехах, так же точно и в поступках детей. И это также показал блаженный Павел. Предписывая, каковы должны быть принимающие начальство над другими, он сверх всех необходимых для них качеств требует от них и попечительности о детях, так что нет нам никакого извинения, когда дети у нас развратны (см.: 1Тим.3,4-5). И совершенно справедливо! Если бы зло в людях было от природы, то всякий по праву прибежал бы к извинению, но так как мы бывает развратны и честны по собственной воле, то какое благовидное оправдание может представить тот, кто допустил до разврата и нечестия сына, (любимого) им больше всего? То ли, что не хотел он сделать его честным? Но ни один отец не скажет этого; сама природа настоятельно и непрерывно побуждает его к тому. Или то, что он не мог? Но и этого нельзя сказать, ибо все — и то, что он взял сына на свое попечение еще в нежном возрасте, и то, что ему первому и одному вручена власть над ним, и то, что он постоянно имел его при себе, — все это делает для него образование сына очень легким и удобным. Значит, развращение детей происходит не от другого чего, как от безумной привязанности отцов к житейскому; обращая внимание только на это и не считая ничего выше этого, они поневоле уже нерадят о детях и о душе их. О таких отцах скажу я (и никто не считай этих слов порождением гнева), что они хуже даже детоубийц. Эти отделяют тело от души, а те и то и другую вместе ввергают в огонь геенский. Той смерти подвергаются необходимо и по естественному порядку, а этой можно было бы избежать, если бы не довела до нее беспечность отцов. К тому же смерть телесную может прекратить воскресение, тотчас как наступит оно, а потери души ничто уже не вознаградит; за нею следует уже не спасение, но необходимость вечно страдать. Значит, мы не несправедливо назовем

таких отцов худшими детоубийцами. Не так жестоко изострить меч и, взяв его в правую руку, погрузить его в самое сердце детища, как погубить и развратить душу, потому что у нас нет ничего равного ей.

28. Если бы зло только и ограничивалось тем, что родители не давали бы детям никаких полезных советов, тогда зло не было бы так велико. Но вот вы, родители, побуждаете их (детей) еще и к противоположному. В самом деле, когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не услышишь ничего другого, кроме таких слов: "Такой-то, — говорят, — человек низкий и из низкого состояния, усовершенствовавшись в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел весьма большое имение, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит". Другой говорит: "Такой-то изучил латинский язык, блистает при дворе и всем распоряжается там". Иной опять указывает на другого, и все — только на славных на земле, а о прославившихся на небесах никто не вспомнит и однажды, даже если иной и решится напомнить об них, его преследуют как человека, который все расстраивает. Итак, вы, когда внушаете это детям с юных лет, учите их не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые неистовые страсти, — то есть сребролюбие и еще более порочную страсть — тщеславие. Каждая из них порознь может низвергнуть все, а когда они обе вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то, подобно соединившимся бурным потокам, губят все доброе и наносят столько терния, столько песку, столько сору, что делают душу бесплодной и не способной ни к чему доброму. Как же ты думаешь, что сын твой легко может избежать диавольских сетей, будучи молод, живя среди Египта, или, лучше, среди воинства диавольского, не слыша между тем ни от кого полезного совета и видя, что все, а больше всех родители и воспитатели, ведут его к противоположному? Как же мог бы он сделать это? При помощи ли твоих увещаний? Но ты внушаешь ему противоположное и, не позволяя ему вспомнить о любомудрии даже и во сне, напротив, постоянно занимая его настоящей жизнью и выгодами ее, только еще больше содействуешь его потоплению. Или сам собою? Совсем нет, юноша сам по себе не имеет довольно сил к совершению добродетели, и если и породит что-либо доброе, то это доброе скоро, прежде нежели возрастет, погибнет от сильного дождя слов твоих. Ибо как тело не может жить долго, когда питается не здоровою, но вредной пищей, так и душа, получая такие внушения, не может и помыслить о чем-либо добром и великом; нет, будучи расстраиваема и расслабляема, как какой-нибудь заразой, она наконец неизбежно низвергается в геенну и в тамошнюю погибель.

29. Ведь вы, как будто намеренно стараясь погубить детей, приказываете им делать только то, что делая, невозможно спастись. Вот, посмотрите прежде всего. Горе... сказано, смеющимся, а вы подаете детям множество поводов к смеху. Горе богатым, а вы только о том и стараетесь, чтобы они разбогатели. Горе, егда добре рекут вам вси человецы (Лк.6,25,24,26), а вы часто тратите все имущество из-за славы людской. Опять, поносящий брата своего повинен есть геенне (Мф.5,22), а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо сносит обидные речи от других. Христос повелевает отвращаться брани и распри, а вы постоянно занимаете детей этими злыми делами. Он повелел во многих случаях вырывать око, если оно ведет ко злу (см.: Мф.5,29), а вы тех-то особенно и делаете их друзьями, кто только может дать денег, хоть бы и научил крайнему разврату. Он не позволил бросать жену, разве только за прелюбодеяние (см.: Мф.5,32), а вы, когда можно получить деньги, приказываете пренебрегать и этой заповедью. Клятву Он запретил совершенно (см.: Мф.5,34), а вы даже смеетесь, когда видите, что это запрещение соблюдается. Любяй душу свою, сказал Господь, погубит ю (Ин.12,25), а вы всячески вовлекаете их в эту любовь. Аще не отпустите, говорит Он, человеком согрешений их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам (ср.: Мф.6,15), а вы даже попрекаете детям, когда они не захотят мстить обидевшим, и стараетесь скорее привести их в состояние сделать это. Христос сказал, что любящие славу — постыятся ли, молятся ли, подают ли милостыню — все это делают без пользы (см.: Мф.6,1), а вы только и стараетесь о том, чтобы ваши дети получили ее. И для чего перечислять все? Если уже и сказанные пороки, не только все вместе, но и каждый сам по себе, в состоянии приготовить тысячу геенн, а вы, собрав их все вместе и возложив на детей эту невыносимо тяжкую ношу грехов, с нею посылаете их в огненную реку, то как же они могут спастись, неся столько пищи для огня?

30. И худо не это одно, что вы внушаете детям противоположное заповедям Христовым, но и то еще, что нечестие прикрываете благозвучными именами, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством — свободой, дерзость — откровенностью, расточительность — человеколюбием, несправедливость — мужеством. Потом, как будто еще мало этого обмана, вы и добродетель называете противоположными именами: скромность — необразованностью, кротость — трусостью, справедливость — слабостью, смирение — раболепством, незлобие — бессилием. Вы будто боитесь, как бы дети, услышав от других настоящее название этих добродетелей и пороков, не убежали от заразы. Ибо название пороков прямыми и настоящими их именами немало способствует к отвращению от оных. Я знаю много и таких, которые этим способом были образумлены и, слыша поносные себе названия, сделались скромнее по жизни. Но вы отняли у детей и это пособие к исправлению. И, что еще хуже, внушаете им зло не только словами, но и делами: строите великолепные дома, покупаете дорогие поля, окружаете их и прочим блеском, и всем этим, как гнусным каким облаком, омрачаете их душу. Так чем же могу я убедиться, что им возможно спастись, когда вижу, что вы склоняете их к таким делам, за которые Христос определил неизбежную погибель;

когда вижу, что вы о их душе, как о чем-то ненужном, небрежете, а о том, что действительно излишне, заботитесь, как о необходимом и важнейшем. Вы все делаете, чтобы был у сына слуга, конь и самая лучшая одежда, а чтобы он сам был хорош — об этом и подумать не хотите; нет, простирая до такой степени заботливость о дереве и камнях, души не удостаиваете и малейшей части такого попечения. Все делаете, только бы на доме стояла чудная статуя и кровля была золотая, а чтобы драгоценнейшее изваяние — душа — была золотая, об этом и помыслить не хотите.

31. Далее, желая ознакомить детей с науками, мы не только отдаляем препятствующее учению, но и доставляет им все, что содействует этому: приставляем к ним пестунов и учителей, издерживаем деньги, освобождаем их от всех других занятий и, чаще чем учителя на олимпийских играх, кричим им о бедности от неучения и о богатстве от учения, — делаем и говорим все, и сами, и чрез других, только бы довести их до окончания предлежащего им учения; однако ж и при всем этом часто не успеваем. А скромность нравов и тщательность о честном поведении, по нашему мнению, придут сами собой и несмотря на столь многие тому препятствия? Что может быть хуже этого неразумения — на самое легкое обращать столь внимания и забот, как будто бы иначе и нельзя успеть в этом, а о гораздо труднейшем думать, что оно, как какая-нибудь пустая и ничтожная вещь, придет к нам, хоть бы мы и спали? Ведь упражнение души в благочестивой жизни во столько раз труднее и тяжелее изучения наук, во сколько исполнять труднее, чем говорить, во сколько дела труднее слов.

32. Но для чего, скажешь, нашим детям нужно любомудрие и строгое поведение? Вот это то самое и сгубило все — что дело, столь необходимое и служащее опорой нашей жизни, считается излишним и ненужным. Увидевши сына больного по телу, никто ведь не скажет, для чего нужно ему совершенное и крепкое здоровье? Напротив, всемерно постарается привести тело в такое благосостояние, чтобы болезнь более уже не возвращалась. А когда у детей больна душа, не нужно им, говорят, никакого лечения — и после таких слов осмеливаются называть себя отцами! Так что же, скажешь, станем мы все любомудрствовать, а житейское все погибнет? Нет, почтеннейшие, не любомудрие, а уклонение от него погубило и расстроило все. Ибо кто, скажи мне, расстраивает настоящее положение дел — те ли, которые живут воздержанно и скромно, или те, которые изобретают новые и беззаконные способы наслаждения? Те ли, которые стараются захватить себе все чужое, или те, которые довольствуются своим? Человеколюбивые ли и кроткие и не ищущие чести у народа или те, которые от собратьев своих требуют ее более всякого долга и делают тысячу неприятностей тому, кто не встанет пред ними, не скажет первый приветствия, не поклонится, не выскажет подобострастия? Те ли, которые любят повиноваться, или те, которые ищут власти и начальства и для этого готовы сделать и перенести все? Те ли, которые почитают себя лучше всех и поэтому думают, что им можно говорить и делать все, или те, которые считают себя последними и этим укроащают в себе безумное своеволие страстей? Те ли, которые сознают немощь человеческой породы, или те, которые не хотят и узнать этого, но от чрезмерной гордости перестали считать себя и людьми? Те ли, которые содержат блудниц и оскверняют чужие ложа, или те, которые воздерживаются и от своей жены? Первые не то же ли в обществе человеческом, что опухоли на теле и бурные ветры в море, и своей невоздержанностью не потопляют ли тех, кои сами по себе могли бы спастись? А последние не так ли, как яркие светила среди глубокого мрака, призывают бедствующих среди моря к своей безопасности и, возжегши вдали на высоте светильник любомудрия, не руководят ли таким образом всех, кто желает, в спокойную пристань? Не из-за тех ли возмущения и войны, и брани, и разрушение городов, и плен, и рабство, и лишение свободы, и убийства, и бесчисленные бедствия в жизни — бедствия, не только наносимые людям от людей, но и все насылаемые с неба, как-то: засухи и наводнения, и землетрясения, и потопление городов, и голод, и язвы, и все прочее, что оттуда насылается на нас? Так, они-то низвращают (разрушают — Ред.) порядок общественный и губят общее благо; они-то причиняют бесчисленные бедствия и другим, они, которые возмущают людей, ищущих спокойствия, влекут их и разрывают со всех сторон. Для них-то судилища и законы, и взыскания, и различные виды наказаний.

33. Если бы мы захотели образовать детей с самого юного возраста и передать желающим воспитывать их, они, конечно, могли бы стать в первом ряду воинства, потому что Бог не презрел бы такого усердия и ревности, но простер бы руку Свою и наложил бы ее на изваяние. А когда действует рука Его, тогда невозможно не иметь успеха в делах, или, лучше, невозможно не дойти до высшей степени блеска и славы, только было бы выполнено то, что зависит от нас. Если и жены могли преклонить Бога, чтобы Он помог в воспитании детей, тем более мы могли бы сделать это, если бы хотели. Чтобы не слишком распространить слова, я пройду молчанием прочих жен, хотя и мог бы указать на многих, а упомяну только об одной. Была одна иудейка — Анна. Эта Анна родила одного сына и уже не надеялась иметь другого, потому что и этого едва получила, после многих слез, по причине своего бесплодия. Хотя соперница ее часто оскорбляла за это бесплодие, она, однако ж, не поступила так, как поступаете вы, но и получив того сына, держала его только до тех пор, пока нужно было питать его молоком. А как скоро он уже не стал нуждаться в этой пище, она, взяв его, тотчас посвятила Богу и не просила, чтобы он возвратился в дом родительский, но оставила его жить постоянно в храме Божиим. И если когда, по чувству материнскому, хотела видеть его, то не вызывала отрока к себе, но сама с отцом приходила к нему и уже обращалась с ним осторожно, как с даром, принесенным в жертву Богу. Оттого и юноша сделался столь доблестным и великим, что, когда Бог

отвратился от народа еврейского за его крайнее нечестие, не изрекал пророчеств и не открывал видений, он своей добродетелью опять привлек Бога и умолил даровать иудеям то же, что и прежде, и возобновить прекратившиеся пророчества. И это сделал он, будучи не в зрелом возрасте, но еще малым отроком. ...И глагол Господень, — говорит Писание, — бе честен в тыя дни, не бе видение посылаемо (1Цар.3,1), а между тем ему (Самуилу) Бог часто открывал волю Свою. Так-то полезно отдавать всегда свои стяжания Богу и отказываться не только от денег и вещей, но и от самых детей. Ибо если это заповедано нам делать по отношению к душе нашей (см.: Мф.10,37), тем более по отношению ко всему прочему. Это сделал и патриарх Авраам, или, лучше сказать, гораздо больше этого, потому и получил сына с большею славою. И, подлинно, мы тогда-то особенно и имеем при себе детей своих, когда отдаем их Господу. Ибо Он гораздо лучше сохранит их, потому что больше печется о них. Не видите ли, что так бывает и в домах богачей? И там низшие слуги, живущие с отцами, не так уважаются и не имеют такой силы, а те, коих господа, взяв от родителей, определяют к себе на службу и делают хранителями сокровищ, пользуются большим благоволением и свободой. Если же люди так добры и благосклонны к своим людям-слугам, тем более беспредельная Благодать, то есть Бог.

34. Позволим детям служить Богу, вводя их не в храм только, как Самуила, но на самое небо (служить) вместе с Ангелами и Архангелами. Ибо что посвятившие себя этому целомудрию действительно будут служить с ними (Ангелами), это очевидно для всякого. Притом такие дети будут предстательствовать с великим дерзновением не только за себя, но и за нас. Ибо, если некоторые (дети) получили помощь от Бога ради отцов, тем более отцы могут получить ради детей; потому что в первом случае правом на помощь служит только единство природы, а в последнем — и воспитание, которое гораздо важнее природы. То и другое докажу вам из Божественного Писания. Так, Езекию, царя добродетельного и благочестивого, но не имевшего по своим делам дерзновения стать против угрожавшей ему великой опасности, Бог спас за добродетель отца, как говорит Сам Он: ...и защищу град сей, еже спасти его Мене ради и Давида... раба Моего (4Цар.19,34). А Павел в Послании к Тимофею о родителях сказал: ...жена... спасется чадородия ради, аще пребудет в вере и любви и во святых с целомудрием (1Тим.2,14—15). И Иова Писание восхваляет как за то, что он бе человек... истинен, непорочен, праведен, благочестив, удаляясь от всякия лукавыя вещи (Иов.1,1), так и за попечение о детях. А это попечение состояло не в собирании для них богатства, и не в старании сделать их славными и знаменитыми, но в чем? Послушай, что говорит Писание: ...егда скончавашася дние пира, посылаше Иов и очищаше их, востая завтра, и приношаше о них жертвы по числу их, и тельца единого о гресе о душах их. Глаголаше бо Иов: негли когда сынове мои согрешиша и в мысли своей злая помыслиша противу Бога (Иов.1,5). Какое же мы будем иметь оправдание, поступая так небрежно? Ибо, если живший прежде благодати и прежде закона и не слышавший никакого учения имел столь великое попечение о детях, что трепетал и за тайные грехи их, кто же оправдает нас, которые живем во время благодати, имеем столько учителей, столько примеров и увещаний, а между тем не только не опасаемся за тайные, но не обращаем внимания и на явные грехи, и не только сами не обращаем внимания, но и желающих исправить оные гоним? И Авраам, как я сказал прежде, отличался между прочими этой добродетелью.

35. Итак, имея столько примеров, будем готовить Богу благочестивых служителей и рабов. Если тот, кто воспитывает борцов для городов или образует воинов для царя, удостоивается великой чести, то какой дар можем получить мы, воспитывая для Бога столь доблестных и великих мужей, или, лучше сказать, ангелов? Будем же делать все, чтобы оставить им богатство благочестия, которое пребывает постоянно, сопровождает нас и по смерти и может принести величайшую пользу не только здесь, но и там. Богатство мирское не перейдет в вечность вместе с людьми, но еще и здесь погибнет прежде их, а часто погубляет и своих владельцев, но богатство благочестия и здесь и там, и само пребудет постоянно, и стяжавших его сохранит в великой безопасности. Это действительно так: кто земное предпочитает духовному, тот лишится и того, и другого, а кто стремится к (духовному) небесному, тот наверное получит и земное. Это не мои слова, но Самого Господа, Который обещает подать сии блага: ищите, говорит Он, прежде Царствия Божия... и сия вся приложатся вам (Мф.6,33). Что может сравниться с этой честью? Заботься, говорит, о духовном, а все прочее предоставь Мне. Как сердобольный отец принимает на себя все попечение о доме, управлении слугами и всем прочим, а сыну советует заниматься только целомудрием, так точно поступает и Бог. Будем же послушны, станем искать Царствия Божия, тогда и детей везде увидим почтенными, и сами прославимся с ними, насладимся и настоящими благами, если только возлюбим будущие и небесные. Если вы послушаете, то получите великую награду, а если будете противиться и не послушаете, потерпите особенно тяжкое наказание. Ибо нельзя нам оправдаться и говорить: "Никто нас не учил этому".

36. Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках и учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких условиях возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, — то же самое есть и юность. Поэтому, если в начале и с первого возраста поставим для нее настоящие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях; напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим им делать того, что приятно и вместе вредно; не будем угождать им, потому что они дети, но преимущественно будем

сохранять их в целомудрии. Ибо это более всего приносит вреда юности. Об этом более всего должны заботиться, к этому мы особенно должны быть внимательны. Скоро будем брать для них жен, чтобы они, имея чистое и нерастленное тело, соединились с невестами. Такая любовь бывает особенно пламенна. Кто был целомудренным до брака, тот большей частью остается таким и после брака. Напротив, кто до брака научился любодействовать, тот и после брака станет делать то же самое. Ибо сказано в Писании: Человеку блудну всяк хлеб сладок (Сир. 23, 23). Для того и возлагаются на голову венцы — в знак победы, что они, не быв побеждены, вступают в брачный чертог, — что они не были одолены похотью. Если же кто, увлеченный сладострастием, предался блудницам, то для чего после этого он имеет и венец на голове, когда он побежден? Это им будем внушать, этим будем их вразумлять, устрашать, угрожать, делая то, то другое.

37. Нам вверен важный залог — дети. Будем поэтому заботиться о них и употребим все меры, чтобы лукавый не похитил их у нас. Между тем, происходит наоборот. Мы употребляем всевозможные усилия для того, чтобы поле было хорошим и чтобы вверить его благонадежному человеку. И погонщика ослов и мулов, и надзирателя, и поверенного мы отыскиваем самого искусного, а на то, что для нас всего дороже, именно: на то, чтобы поручить сына человеку, который бы мог его сохранить в целомудрии, не обращаем внимания, несмотря на то что сие стяжание ценнее всех прочих и ради него приходят остальные блага. Об имуществе для них мы заботимся, а об них самих нет. Видишь ли, какое безумие овладело нами! Прежде образуй душу сына твоего, а стяжания он уже после получит. Если душа у него не хороша, то он не будет иметь ни малейшей пользы от денег; и наоборот, если ей дано правильное образование, то бедность нисколько не повредит ему. Хочешь ли оставить его богатым? Научи его быть добрым. Ибо для детей, не получивших правильного образования, бедность лучше богатства; даже, мимо их воли, удерживает их в пределах добродетели; между тем последнее, хотя бы даже кто и желал сего, не позволяет вести жизни целомудренной, но увлекает, ниспровергает и вводит в бесчисленное множество преступлений.

38. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попечение это для вас нетрудно. Наблюдайте за тем, чтобы они сидели дома, а прежде всего учите их быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах. Так и в замужество отдавайте их. Если так образуете дочь вашу, то спасете не только ее, но и мужа, но и детей, и не одних детей, но и внуков. Если корень будет хорош, то и ветви будут лучше развиваться, и за все это получите награду. Поэтому все будем так делать, как прилично заботящимся о благе не одной души, но и о благе многих чрез одну. Ибо они (дочери), при вступлении в брак, должны так выходить из отеческого дома, как выходят борцы из места состязаний, то есть они должны знать в точности всю науку, помощью которой они могли бы, подобно закваске, все смешение возвести к собственной красоте.

39. И сыновья опять до того должны быть скромны, чтобы скорее всего можно было узнать их по их благонравию и целомудрию, чтобы они заслужили великую похвалу и от людей, и от Бога. Пусть они научатся воздерживаться от лишних издержек, быть расчетливыми, нежно любящими, пусть научатся повиноваться власти. Ибо таким образом они могут доставить родителям великую награду. Тогда все будет направлено к славе Божией и нашему спасению, о Христе Иисусе Господе Нашем, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.